МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№№ 27-28.

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ Могилевѣ губернскомъ.

21 сентября—1 октября. Годъ XVI. 1898 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Архипастырская благодарность.

2 сентября объявлена Архипастырская благодарность крестьянкамъ дер. Семеновки, Руденецкаго прихода, Гомельскаго уѣзда: Наталіи *Зайцевой*, Маріи *Пономаренковой*, Агриппинѣ *Бондаренковой* и Параскевѣ *Зайцевой* за пожертвованіе ими въ свою приходскую церковь двухъ кіотовъ и деревяннаго креста,—все стоимостью въ 300 руб.

Преподаніе Архипастырскаго благословенія.

Его Преосвященствомъ преподано Архипастырское благословеніе: 15 іюля—писарю Ново-Тухинскаго волостнаго правленія, Оршанскаго уѣзда, Θеодору *Стефанову* „за заботливое отношеніе его къ матеріальному обезпеченію церковныхъ школъ въ районѣ Ново-Тухинской волости"; 2 сентября—писарю Оршанскаго волостнаго правленія, Сѣнненскаго уѣзда, Ивану *Олейникову* „за особое усердіе его ко храму Божію"; 7 сентября—бывшимъ прихожанамъ Войнянской церкви, Мстиславскаго уѣзда, а нынѣ входящимъ въ составъ Любавичскаго прихода, „за ремонтъ Войнянской приписной

къ Любавичской церкви, стоимостью до 700 руб.;“ прихожанамъ Студенецкой церкви, Чериковскаго уѣзда, „за пожертвованія на постройку мѣстнаго храма“.

Благодарность Епархіальнаго Начальства.

Объявлена благодарность Епархіальнаго Начальства: 7 сентября—старшинѣ Студенецкой волости, Чериковскаго уѣзда, Дмитрію *Сильвестрову* и волостному писарю Іосифу *Давыдову* „за оказанное ими содѣйствіе при составленіи приговоровъ о взносѣ пожертвованій на постройку храма въ с. Студенцѣ“; 17 сентября—прихожанамъ Кормянской церкви, Гомельскаго уѣзда: сельскому старостѣ Трофиму *Козину*, крестьянамъ Лукѣ *Чернову*, Марку *Буренкову* и служащимъ на Юрьевскомъ желѣзномъ заводѣ, Екатеринославской губерніи, за пожертвованіе ими 345 р. на пріобрѣтеніе въ свой приходскій храмъ церковной утвари.

Перемѣны по службѣ.

— Опредѣленіемъ Св. Синода отъ $^{5}/_{12}$ августа, кандидатъ Московской духовной академіи выпуска 1897 г. іеромонахъ *Анастасій* съ 16 минувшаго августа назначенъ преподавателемъ гомилетики съ соединенными предметами въ Могилевскую духовную семинарію.

— Псаломщики церквей: Почаевичской, Сѣнненскаго уѣзда, Павелъ *Гинко* и Романовской, Горецкаго уѣзда, Михаилъ *Соколовъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 9 сентября, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Почаевичской церкви Сѣнненскаго уѣзда, Михаилъ *Соколовъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 10 сентября, согласно прошенію, уволенъ отъ должности псаломщика.

— Священникъ Студенецкой церкви, Чериковскаго уѣзда, Симеонъ *Варашкевичъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 23 сентября, согласно прошенію, перемѣщенъ къ Могилево-градской Успенской церкви.

— Окончившій курсъ ученія въ Могилевской духовной семинаріи Алексѣй *Голенко*, резолюціею Его Преосвященства отъ 24 сентября, назначенъ на псаломщицкое мѣсто къ Почаевичской церкви, Сѣнненскаго уѣзда.

Вакантное мѣсто:

священническое при—

Студенецкой церкви, Чериковскаго уѣзда, съ 23 сентября; жалованья 500 руб.; церковной земли 41 дес. 2079 кв. саж.; помѣщеніе есть; прихожанъ 2048 д. муж. п. и 2030 д. жен. п.

Отъ Могилевской Духовной Консисторіи.

Могилевская Духовная Консисторія симъ объявляетъ, что 1, опредѣленіемъ Св. Синода, отъ $\frac{24 \text{ апрѣля}}{6 \text{ мая}}$ сего 1898 г., назначено пожизненное пособіе заштатному причетнику Петру *Бруевичу* въ размѣрѣ 25 руб. въ годъ и для выдачи ему за время со дня опредѣленія Св. Синода по 1 января 1899 года прислано въ Консисторію въ количествѣ 16 руб. 32 к., но деньги остаются не выданными за неизвѣстностью мѣстожительства *Бруевича*; 2, по той же причинѣ остается также невыданнымъ пожизненное пособіе (40 руб. въ годъ) изъ суммъ Св. Синода дочери священника Маріи *Жудро*.

Отъ Правленія Гомельскаго духовнаго училища.

Правленіе Гомельскаго духовнаго училища доводитъ до свѣдѣнія духовенства Гомельскаго училищнаго округа, что съѣздъ о.о. депутатовъ отъ духовенства упомянутаго округа для разсмотрѣнія смѣты по содержанію училища въ 1899 году имѣетъ состояться (14-го) четырнадцатаго октября сего 1898 года.

Отъ Сѣнненскаго Уѣзднаго Наблюдателя церковныхъ школъ.

Въ Каневской неорганизованной церковно-приходской школѣ, Сѣнненскаго уѣзда (предположенной въ ближайшемъ будущемъ къ организаціи), вакантно мѣсто учителя, съ жалованьемъ 75 руб. за учебное время. Лица, имѣющія званіе начальнаго учителя, желающія занять означенное мѣсто, благоволятъ поспѣшить прислать свои прошенія на имя Сѣнненскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, съ приложеніемъ необходимыхъ документовъ или, —если послѣднихъ нѣтъ на рукахъ у просителей,—съ заявленіемъ, гдѣ эти документы находятся, а также съ сообщеніемъ точнаго адреса своего мѣстожительства.

СОДЕРЖАНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Архипастырская благодарность.—Преподаніе Архипастырскаго благословенія.—Благодарность Епархіальнаго Начальства.—Перемѣны по службѣ.—Вакантное мѣсто.—Отъ Могилевской Духовной Консисторіи.—Отъ Правленія Гомельскаго духовнаго училища.—Отъ Сѣнненскаго Уѣзднаго Наблюдателя церковныхъ школъ.

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1898 г. 29 сентября. Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей І. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 сентября — 1 октября. №№ 27—28. 1898 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ГРАФЪ М. Н. МУРАВЬЕВЪ.

Въ самомъ недалекомъ будущемъ въ г. Вильнѣ предстоитъ открытіе памятника гр. М. Н. Муравьеву. Въ виду этого считаемъ благовременнымъ подѣлиться съ нашими читателями біографическими данными объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ западно-русскаго края, заимствуя послѣднія изъ „Лит. Еп. Вѣд.“ за 1898 года №№ 34 и 36. Правда, личность М. Н. еще недостаточно выяснена. Не даромъ въ г. Вильнѣ открытъ Муравьевскій музей (см. „Изв. и Зам.“), чтобы путемъ собранія документальныхъ и другихъ данныхъ способствовать всестороннему ея выясненію. Тѣмъ не менѣе настоящій очеркъ является лучшимъ изъ когда-либо составленныхъ по этому поводу и покоится на новѣйшихъ біографическихъ данныхъ.

Какъ извѣстно, въ ночь съ 28-го на 29-е августа 1866 г., скончался въ своемъ имѣніи Сырцѣ, Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губ., графъ М. Н. Муравьевъ. Часъ его кончины остался неизвѣстенъ; старикъ камердинеръ слышалъ всю ночь, почти до разсвѣта, кашель своего барина, а утромъ не могъ его добудиться: графъ Муравьевъ заснулъ вѣчнымъ сномъ. Переходъ отъ бытія къ смерти совершился безъ борьбы и страданій, тогда какъ вся жизнь покойнаго была борьбой. Правда, уже въ дѣтствѣ онъ былъ отлично подготовленъ къ труду своими родителями. Отецъ его, Николай Николаевичъ, тоже замѣчательный русскій человѣкъ, съ многосторонними знаніями, извѣстный основатель училища колонновожатыхъ и лучшій педагогъ своего времени,—самъ лично слѣдилъ, насколько могъ, за умственнымъ развитіемъ и научнымъ образованіемъ своихъ пяти сыновей,

въ томъ числѣ и третьяго — Михаила Николаевича, родившагося 1-го октября 1796 г. О здоровьѣ дѣтей, ихъ нравственности и домашнемъ воспитаніи, до самой смерти своей, заботилась мать, Александра Михайловна, урожденная Мордвинова. Графъ Михаилъ Николаевичъ часто говаривалъ: „если мы вышли порядочными людьми, а не сорванцами, то всѣмъ этимъ обязаны единственно покойной матушкѣ: отецъ не могъ много съ нами заниматься".

Въ самой ранней молодости Михаилъ Муравьевъ обнаружилъ блестящія способности къ изученію точныхъ наукъ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду, будучи студентомъ, задумалъ основать въ 1810 г. московское общество математиковъ, имѣвшее цѣлью распространеніе въ Россіи математическихъ знаній, посредствомъ изданія лучшихъ современныхъ сочиненій. Онъ самъ написалъ уставъ общества и, при горячемъ сочувствіи и одобреніи отца, добился содѣйствія тогдашняго попечителя московскаго университета Голенищева-Кутузова и министра просвѣщенія графа Разумовскаго. Высочайшее утвержденіе устава Императоромъ Александромъ I состоялось 7 апрѣля 1811 г. Н. Н. Муравьевъ-отецъ избранъ въ президенты общества, а вице-президентомъ или директоромъ — основатель общества и составитель устава, студентъ М. Н. Муравьевъ, имѣвшій отъ роду, въ апрѣлѣ 1811 г., четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ! Такое блестящее начало указывало, повидимому, на будущность знаменитаго ученаго, но судьба молодого Муравьева неожиданно перебросила его совсѣмъ въ другую сторону. Приближеніе Отечественной войны прекратило мирныя занятія общества математиковъ.

Въ декабрѣ 1811 г. М. Н. поступилъ на службу колонновожатымъ, а 28-го января 1812 г. блестящимъ образомъ выдержалъ въ Петербургѣ экзаменъ и получилъ первый офицерскій чинъ прапорщика свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Въ памятный день Бородина, находясь на батареѣ Раевскаго, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Беннигсена, Муравьевъ сидѣлъ верхомъ, когда ядро ударило въ грудь лошади, пронзило ее насквозь и ранило сѣдока. Снарядъ сильно ранилъ мышцы, но, по счастью, не задѣлъ берцовой кости. Повалившись безъ памяти вмѣстѣ съ убитой лошадью, Муравьевъ распростерся на землѣ. „Ядро" — разсказываетъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій) въ своихъ запискахъ — „задѣло брата по лѣвой ногѣ такъ, что сорвало все мясо

съ поврежденіемъ мышцъ и оголило кость. Судя по обширности раны, ядро, казалось, было двѣнадцатифунтовое. Брату былъ шестнадцатый годъ отъ роду". По приказанію Беннигсена, четыре солдата вынесли раненнаго изъ-подъ выстрѣловъ; изъ нихъ трое вернулись, а четвертый отыскалъ подводу безъ лошади, взвалилъ на нее Муравьева и, самъ взявшись за оглобли, вывезъ его на большую дорогу. Какой-то проѣзжій лѣкарь взялъ тряпку и перевязалъ ногу узломъ. Въ то время мимо его провезли другую телегу, наполненную раненными солдатами. Кто-то изъ состраданія привязалъ оглобли телеги Муравьева къ первой и его дотащили въ Можайскъ, гдѣ положили на землю и бросили одного среди умирающихъ. Такъ повторялось и дальше: то подтащатъ, то бросятъ. Онъ каждую минуту рисковалъ быть раздавленнымъ артиллеріей или конницей, истечь кровью, умереть отъ голода или отъ гангрены. Въ концѣ-концовъ Михаила Николаевича спасла его находчивость: на воротахъ каждой избы куда его втаскивали, Христа ради, онъ просилъ надписывать: „Муравьевъ 5-й". По этой надписи и нашелъ его старшій братъ Александръ, отвезъ въ Москву, въ отцовскій домъ, но въ ранѣ уже открылась гангрена, такъ что больной долженъ былъ подвергнуться операціи, и выдержалъ ее съ большимъ мужествомъ. Потомъ его повезли въ Нижній-Новгородъ, гдѣ отецъ его занимался формированіемъ ополченія. Когда отъѣхали верстъ двадцать отъ Москвы и съ больного сняли перевязку, то нашли, что антоновъ огонь вновь открылся. Казалось, раненный былъ обреченъ на смерть и спасенія ожидать было невозможно, но вышло иначе. Въ родительскомъ домѣ, подъ попеченіями опытнаго врача, Муравьевъ вскорѣ поправился, такъ что въ слѣдующемъ 1813 году участвовалъ въ кампаніи противъ Наполеона, а въ 1814 и 1815 его посылали съ порученіемъ на Кавказъ. Затѣмъ, Михаилъ Николаевичъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, гдѣ усердно помогалъ отцу въ новомъ дѣлѣ, имъ предпринятомъ.

Дѣло это состояло въ томъ, что изъ общества математиковъ возродилось „московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ" — будущій разсадникъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба и предшественникъ военной академіи. Михаилъ Николаевичъ составилъ учебныя программы и уставъ этого заведенія, удостоившіеся Высочайшаго утвержденія. Кромѣ того по почину Муравьева, выработ-

таны дисциплинарныя правила для воспитанниковъ, введено обученіе ихъ фронту и утверждена однообразная форма обмундированія; словомъ, Муравьевъ помогалъ отцу во всѣхъ его начинаніяхъ. Любопытно, что все это не помѣшало ему составить и издать руководство, подъ заглавіемъ: „Измѣреніе высотъ посредствомъ барометрическихъ наблюденій (1816—1817 гг.)“. Можно было ожидать, что изъ Муравьева выработается военный педагогъ или образцовый директоръ какого-нибудь военно-учебнаго заведенія. Самый прозорливый наблюдатель не могъ бы предугадать въ немъ великаго дѣятеля 1863 г.; это являлось тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что какъ разъ послѣ 1815 г. онъ вышелъ въ отставку, предварительно вступивъ въ тайныя общества, что привело его на край гибели.

М. Н. Муравьевъ вступилъ въ бракъ со старшею дочерью отставнаго капитанъ-поручика Василія Петровича Шереметева, дѣвицей Пелагеей Васильевной. Обрядъ вѣнчанія совершенъ 26-го августа 1818 г. Въ томъ же году М. Н. Муравьевъ подалъ въ отставку, но его старались удержать на службѣ разрѣшеніемъ безсрочнаго отпуска, впредь до поправленія здоровья, производствомъ въ чинъ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба и, затѣмъ, переводомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части съ чиномъ подполковника и, наконецъ, прибавочнымъ жалованьемъ по 3,000 руб. въ годъ. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1820 г., Муравьевъ снова подалъ въ отставку, и, на этотъ разъ, его не удерживали. Онъ переселился съ женою изъ Москвы въ ея имѣніе, село Лазинцы, въ 5-ти верстахъ отъ Рославля, и всецѣло посвятилъ себя сельскому хозяйству. Михаилъ Николаевичъ началъ съ устройства винокуреннаго завода; предпріятіе это являлось весьма выгоднымъ, въ виду чрезвычайной дешевизны хлѣба, не имѣвшаго сбыта, вслѣдствіе недостатка путей сообщенія. Но не успѣли выстроить заводъ, какъ открылся голодъ въ Смоленской и Черниговской губерніяхъ, при чемъ особенно пострадали Рославльскій и Ельинскій уѣзды, Смоленской губ., гдѣ голодъ обнаружился еще въ августѣ 1820 г. Въ этихъ условіяхъ, въ высшей степени замѣчательна двойная борьба „подполковника и кавалера Михаила Николаевича, сына Муравьева“, какъ значится въ актахъ. Съ одной стороны онъ боролся со страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ и сдѣлалъ то, что дѣлалось многими землевладѣльцами въ текущемъ году: устроилъ на

свой счетъ въ своей винокурнѣ мірскую столовую для продовольствія своихъ крестьянъ. Ежедневно приходило до 150 чел., кромѣ голодавшихъ изъ сосѣднихъ имѣній, которыхъ тоже являлось не мало. Въ сохранившейся собственноручной запискѣ по управленію Лазицкимъ имѣніемъ, Муравьевъ самъ говоритъ: „Въ 1820 г., извѣстный голодъ въ нашемъ краѣ понудилъ меня издержать 20.000 рублей“. Съ другой стороны онъ боролся съ бездѣйствіемъ и неспособностію тогдашней губернской администраціи. Только-что миновали голодные годы, какъ наступилъ роковой 1825 г. Изъ „Русскаго Инвалида“, полученнаго въ этомъ году передъ Рождественскими праздниками, Муравьевъ узналъ о происшествіи 14-го декабря, а послѣ Новаго года (1826), къ нему постоянно доходили слухи объ арестѣ многихъ родныхъ и сослуживцевъ и бывшихъ сочленовъ по тайнымъ обществамъ. Вскорѣ онъ и самъ былъ арестованъ, но относительно участія въ тайныхъ обществахъ Муравьева истина вскорѣ обнаружилась и невинность его въ смутѣ декабристовъ была вполнѣ доказана.

По освобожденіи, онъ случайно встрѣтился съ Дибичемъ. Этотъ старый офицеръ генеральнаго штаба, знавшій Муравьева давно и всегда съ отличной стороны, пользовался полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ Государя за свои заслуги во время Отечественной войны и какъ одно изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ покойному Императору Александру Первому. Дибичъ уговорилъ Муравьева поступить на службу и выхлопоталъ зачисленіе его по арміи подполковникомъ. Хотя зачисленіе на службу снимало съ Муравьева послѣднюю тѣнь подозрѣнія, но казалось, что карьера его покончена навсегда. Однако, по своему характеру, онъ не могъ оставаться бездѣятельнымъ. Разбирая свои старыя бумаги 1820 г., онъ нашелъ много любопытныхъ данныхъ о состояніи тогдашняго гражданскаго управленія въ Россіи. На основаніи этихъ замѣтокъ, находившійся не у дѣлъ, подполковникъ Муравьевъ представилъ Государю пространную записку, при всеподданнѣйшемъ письмѣ, отъ 20-го января 1827 г. За эту записку Императоръ Николай Павловичъ лично благодарилъ Муравьева, при представленіи, и передалъ этотъ документъ министру, графу Кочубею, съ собственноручными отмѣтками, а Кочубей потребовалъ дополнительныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего Муравьевъ подалъ вторую записку, а затѣмъ третью

и четвертую; первая и вторая помѣщены въ приложеніяхъ къ сочиненію Кропотова: „Жизнь графа Муравьева". Между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1827 г., Муравьева причислили къ министерству финансовъ, въ чинѣ коллежскаго асессора, а вслѣдъ за тѣмъ, 12-го іюня, назначили вице-губернаторомъ въ Витебскъ. Должности тогдашнихъ вице-губернаторовъ принадлежали къ вѣдомству министерства финансовъ и, приблизительно, соотвѣтствовали должности нынѣшнихъ управляющихъ казенными палатами. Позднѣе, въ 1864 г., Муравьевъ разсказывалъ, что, отправляясь въ Витебскъ, онъ взялъ съ собою десятка полтора книгъ, въ томъ числѣ сочиненіе Бантышъ-Каменскаго „О возникшей въ Польшѣ Уніи". Муравьевъ говоритъ, что, живя въ Витебскѣ, онъ читалъ съ большимъ любопытствомъ эту дѣльную и полезную книгу, ознакомившую его съ минувшими судьбами православной Церкви въ Западной Россіи. Съ этого началась подготовка будущаго охранителя Литвы, которому митрополитъ Филаретъ писалъ: „Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ, ваше имя—побѣда!" Въ Витебскѣ Муравьевъ пробылъ съ небольшимъ годъ. Въ половинѣ сентября 1828 г. онъ назначенъ могилевскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Со времени послѣдняго раздѣла, Польша постоянно подготовлялась къ мятежу и жаждала отпаденія. Черезъ семнадцать лѣтъ (1812), поляки передались Наполеону и съ нимъ пошли противъ Россіи. Восемнадцать лѣтъ спустя, въ 1830 г., они опять поднялись и дрались съ нами, пока не выбились изъ силъ. Наконецъ, въ третій разъ, черезъ тридцать три года (1863), повторилось то же, причемъ къ междоусобію присоединилась угроза трехъ западныхъ державъ. Во всѣхъ трехъ возстаніяхъ участвовали: духовенство, шляхта и ополяченные русскіе. Три поколѣнія съ непримиримою ненавистью, съ фанатическимъ ослѣпленіемъ упорствовали въ сепаратизмѣ, предательствѣ и мятежѣ. Поляки получили характеръ и складъ преслѣдуемой секты; у нихъ всегда и надъ всѣмъ господствовала одна и та же мысль: „Польша въ предѣлахъ 1772 г.". У нихъ всегда существовала одинаковая, неизмѣнная политика—открытое или тайное сопротивленіе русскому владычеству. Тотчасъ послѣ перваго раздѣла Польши, Императрица Екатерина II подчинила ее общимъ, русскимъ законамъ, а благоразумное и твердое управленіе перваго бѣлорусскаго намѣстника, графа Захара Гри-

горьевича Чернышева, такъ обрусило новый край, что полное его сліяніе съ Россіей могло ожидаться въ самомъ близкомъ будущемъ. Возстановленіе Императоромъ Павломъ I литовскаго статута многое измѣнило. Статутъ этотъ—древнерусское учрежденіе, но въ теченіе шести столѣтій онъ сдѣлался смѣсью польскихъ сеймовыхъ постановленій, магдебургскаго права и остатковъ русской старины, но до того обезображенныхъ польскими преобразованіями, что на первой страницѣ статута жители Имперіи назывались „чужеземцами и заграничниками". Литовскій статутъ имѣлъ только одну общую черту съ органическими законами, а именно, что, имѣя основнымъ принципомъ признаніе полной поземельной собственности за одними дворянскими родами и воспрещеніе перехода ея къ простолюдинамъ и инороднымъ, статутъ былъ приспособленъ исключительно къ мѣстной дворянской жизни. Во всемъ остальномъ статутъ литовскій, не говоря уже объ устарѣлости, безурядицѣ и полной непрактичности своей, имѣлъ еще тотъ опасный для Россіи характеръ, что въ глазахъ народа введеніе его было равносильно намѣренію Правительства возстановить въ краѣ польское государство. Однимъ словомъ, статутъ литовскій былъ важенъ для магнатовъ и поземельной шляхты, какъ юридическій памятникъ бывшей связи „забраннаго края" съ Рѣчью Посполитою.

Послѣ перваго объѣзда всѣхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ Могилевской губерніи, Муравьевъ отлично понялъ значеніе литовскаго статута и въ своемъ подданнѣйшемъ отчетѣ за 1830 г. представилъ Государю полную, правдивую картину администраціи Западнаго края. Просить, не обинуясь, объ отмѣнѣ статута было неудобно, такъ какъ подобное заявленіе превосходило права и власть гражданскаго губернатора, но Муравьевъ такъ искусно сопоставилъ результаты своихъ наблюденій и такъ ярко освѣтилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, что цѣль его доклада ясно проглядывала между строками. Муравьевъ представилъ свой отчетъ во второй половинѣ 1830 г., а 1-го января 1831 г. уже состоялся указъ о замѣнѣ литовскаго статута общими законами Имперіи. Вѣроятнѣе всего можно предположить, что Правительство было давно подготовлено къ рѣшенію этого вопроса, а ноябрское возстаніе 1830 г. въ Варшавѣ только ускорило его.

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести записку Муравьева о необходимости преобразованія учебныхъ заведеній въ Западномъ

краѣ, поданную Императору Николаю 22-го декабря 1830 г. Въ этой запискѣ онъ предлагалъ немедленное введеніе въ школы русскаго языка и устраненіе латинскаго духовенства, въ особенности монаховъ разныхъ орденовъ, отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества; кромѣ того, онъ считалъ необходимымъ запретить римско-католическому духовенству воспитаніе дѣтей и въ частныхъ домахъ, подъ видомъ „домашнихъ капеллановъ“.

Несомнѣнно, что Муравьевъ продолжалъ-бы борьбу за русскія начала на мирномъ, гражданскомъ поприщѣ, если бы въ Варшавѣ не вспыхнулъ бунтъ 17-го ноября, стоившій Россіи потоковъ крови. При первомъ извѣстіи объ этомъ, Муравьевъ принялъ мѣры предосторожности въ своей губерніи, приказалъ полиціи зорко наблюдать за католическими ксендзами, монастырями и за всѣми подозрительными личностями. Когда же разнеслась молва о возстаніи шляхты въ Виленской губерніи, Могилевскій губернаторъ распорядился, въ пограничныхъ съ Минскою губ. уѣздахъ, всю земскую полицію вновь составить изъ коренныхъ русскихъ и занялся практическимъ устройствомъ сыскной полиціи, назначилъ отъ себя довѣренчаго чиновника, снабдилъ его инструкціей и деньгами, для разсылки лазутчиковъ. Эта секретная полиція не ограничивалась своимъ райономъ, а собирала свѣдѣнія и въ сосѣднихъ губерніяхъ. Тайные агенты Муравьева скоро пригодились не для одной Могилевской губерніи. Въ 1831 году началась война, сразу охватившая и западныя окраины Россіи. 13-го февраля, на Гроховомъ полѣ, графъ Дибичъ разбилъ, но не добилъ мятежниковъ: Варшава не была взята, и польская справа преисполнилась самоувѣренностью и надеждой. На Волыни, въ Литвѣ, даже въ Бѣлоруссіи, началось глухое броженіе, перешедшее въ концѣ марта въ открытое возстаніе. Это было опасно для русскаго дѣла, потому что сѣверозападный край служилъ главнымъ операціоннымъ базисомъ дѣйствующей арміи, откуда она получала продовольствіе и рекрутовъ для комплектованія; здѣсь были расположены кадры резервныхъ войскъ, магазины, депо и проч. Революціонное правительство знало это и посылало въ Литву лучшихъ своихъ эмиссаровъ, а они легко поджегли обильный горючій матеріалъ. Ксендзы и монахи начали подземную работу, а дворяне жертвовали собою и своимъ достояніемъ, подготовляя „посполитое рушенье“, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ

искусно убаюкивали Правительство увѣреніями въ вѣрности и преданности, что Митава почти не имѣла войскъ. Самъ начальникъ края, въ Вильнѣ, располагалъ тремя тысячами солдатъ; въ городахъ же находились самые незначительные гарнизоны, большею частью инвалидныя команды. Видя, что изъ главной арміи не посылаютъ подкрѣпленій въ Литву, польскіе дѣятели сбросили маску. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля вся западная часть Виленской губ., а также Минская и Ковенская, даже смѣжные съ Литвой уѣзды бѣлорусскихъ губерній открыто взбунтовались. Предводители дворянства стали во главѣ шаекъ. Начальникъ Литовскаго края просилъ подкрѣпленія, но фельдмаршалъ отказалъ наотрѣзъ. Къ счастію, виленскимъ генералъ-губернаторомъ состоялъ въ то время Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, одинъ изъ храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ боевыхъ генераловъ. Только благодаря ему, русская окраина спасена отъ захвата. Положеніе самого Храповицкаго становилось безвыходнымъ, когда и въ восточной части Виленской губ., а именно въ Ошмянахъ, скопились шайки и утвердилась мятежная организація. Такое положеніе было невозможно: съ этой поры не только армія теряла связь и сообщеніе съ Литвой, но Литва оказалась отрѣзанною отъ Россіи. Горсть отважныхъ людей выручила Храповицкаго изъ бѣды. Ему прислали 500 линейныхъ казаковъ, которыхъ поляки боялись, какъ огня. Казачій начальникъ, полковникъ Верзилинъ, налетѣлъ на Ошмяны съ тремя сотнями своихъ молодцовъ, съ двумя ротами пѣхоты и нѣсколькими орудіями. Это наступленіе произвело панику и ошмянскій бунтъ былъ подавленъ. Поляки упали духомъ и съ тѣхъ поръ боялись предпринять нападеніе на Вильну. Храповицкій могъ продержаться до начала мая, когда обстоятельства вновь ухудшились. Графъ Дибичъ вторично разбилъ поляковъ при Остроленкѣ, 13-го мая, и опять не воспользовался побѣдой. Поляки спокойно отступили въ Варшаву, да еще получили средства и досугъ заняться Литвой, куда послали эмиссаровъ, а вслѣдъ за ними—сильные отряды пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, всего до 30.000 человѣкъ. Но и съ нашей стороны на этотъ разъ приняты были серьезныя мѣры. Въ Литвѣ явилась цѣлая резервная армія графа П. А. Толстого. Двѣ сильныя колонны, каждая въ 15.000 чел., взяли поляковъ въ тиски, разбивали ихъ во всѣхъ стычкахъ, отрѣзали отъ Польши и

притиснули къ прусскимъ границамъ, гдѣ всѣ они сложили оружіе, за исключеніемъ Дембинскаго, успѣвшаго ускользнуть въ Польшу съ 2.000 человѣкъ.

Является вопросъ: въ какой связи находились всѣ эти крупныя историческія событія съ личностью и дѣятельностью могилевскаго гражданскаго губернатора Муравьева? Повидимому, каждый изъ губернаторовъ долженъ былъ дѣлать свое дѣло и только. Муравьевъ же сохранилъ свою губернію отъ политической заразы, и она была до того спокойна, что Смитъ, въ извѣстной своей книгѣ о польской войнѣ 1831 г., вовсе не упоминаетъ о ней. Но этимъ дѣло не ограничилось Губернаторъ Муравьевъ началъ съ того, что представился новому главнокомандующему, а изъ этого представленія вышло уже совершенно необычайное послѣдствіе: графъ Толстой прикомандировалъ Муравьева къ своему штабу. Гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, садится на коня и усмиряетъ мятежъ съ войсками генералъ-лейтенанта Каблукова и усмиряетъ не въ своей, а въ двухъ чужихъ губерніяхъ; подъ скромнымъ званіемъ „причисленнаго къ штабу“, онъ исправляетъ обязанности генералъ-квартирмейстра и дежурнаго генерала. Всѣ прежніе губернаторы сѣверо-западнаго края были поляки, не упускавшіе случая перейти на сторону враговъ Россіи. Двое изъ нихъ лично участвовали въ повстаньи и, понятно, что всѣ литовскіе и бѣлорусскіе губернаторы были уволены и отрѣшены отъ должностей, а новые, какъ, напримѣръ, минскій и витебскій знали о положеніи своихъ губерній столько же, какъ и графъ Толстой, т. е. очень мало. Одинъ Муравьевъ, сидѣвшій на мѣстѣ съ 1826 г., взялъ въ руки губернію такъ, что въ ней никто не смѣлъ бунтовать; онъ имѣлъ отлично устроенную полицію, т.-е. именно то, въ чемъ нуждался главнокомандующій резервной арміей. Можно допустить предположеніе, что Муравьевъ говорилъ графу Толстому о необходимости сосредоточить всѣ свѣдѣнія помянутой полиціи при арміи. На это указываетъ распоряженіе главнокомандующаго, предписывавшаго Муравьеву устроить военнополицейскую часть арміи, съ предоставленіемъ ему правъ собирать нужныя свѣдѣнія не только въ сѣверо-западномъ краѣ, но и въ губерніяхъ Кіевской и Волынской. Кромѣ того, военныя обстоятельства вынудили Толстого поручить Муравьеву исправленіе при арміи должностей генералъ-

квартирмейстера и генералъ-полицiймейстера. Вернувшись изъ Могилева, куда онъ ѣздилъ сдавать свою должность вице-губернатору Лашкареву, Муравьевъ получилъ весьма серьезныя порученiя. Возстанiе вспыхнуло уже тогда въ смежныхъ съ Могилевскою губернiею уѣздахъ, а также и въ Минской губернiи. Муравьевъ выступилъ изъ мѣстечка Черни въ Лепель при отрядѣ 4-й гусарской дивизiи; эти и всѣ послѣдующiя передвиженiя онъ дѣлалъ верхомъ, имѣя при себѣ военныхъ ординарцевъ. Гражданскiй чиновникъ превратился въ стараго бородинскаго воина и опытнаго боеваго офицера генеральнаго штаба. Въ его военныхъ дѣйствiяхъ всегда обладала энергiя и находчивость образцоваго гражданскаго администратора.

Въ инструкцiи, данной Муравьевымъ лепельскому исправнику, вылился весьма отчетливо типъ будущаго правителя Литвы. Возлагая на землевладѣльцевъ уничтоженiе въ ихъ помѣстьяхъ бродягъ, Муравьевъ говоритъ: „Ибо всякiй помѣщикъ есть ближайшiй полицiймейстеръ въ своихъ владѣнiяхъ и отвѣчаетъ своимъ лицомъ и благосостоянiемъ, за всякое неустройство и допущенiе злонамѣреннаго безпорядка предъ Правительствомъ. Объявить всѣмъ чрезъ подписки, что судъ будетъ короткiй, расправа скорая, примѣрная, что я дѣйствую лично самъ, всегда справедливъ, но взыскателенъ безъ всякаго снисхожденiя къ лицамъ. Я все знаю, что дѣлается въ уѣздѣ; извѣстны мнѣ тѣ лица, которыя нарушили присягу или двусмысленнымъ поведенiемъ возводили на себя сомнѣнiя. Я умѣю различить возбуждающiя причины дѣйствiй каждаго, кто доброжелательствовалъ мятежникамъ по чувствамъ, по принужденiю или легкомысленности, и каждому воздамъ должное по его поступкамъ. Пренебрегая подлыми дѣйствiями лицъ неблагонамѣренныхъ, даю имъ самый короткiй срокъ опомниться и потому, не входя въ тончайшiй разборъ дѣйствiй каждаго, назначаю начальниками кварталовъ лишь по одному соображенiю состоянiя каждаго, которымъ они кромѣ своей личности будутъ отвѣчать предъ Правительствомъ“.

За свои заслуги, Муравьевъ получилъ орденъ Анны первой степени, и, по прiѣздѣ въ Петербургъ, подалъ Государю замѣчательную записку: „О ходѣ мятежа въ губернiяхъ отъ Польши возвращенныхъ, и заключенiя о причинахъ столь быстраго развитiя онаго, извлеченныхъ изъ свѣдѣнiй, почерпнутыхъ на мѣстѣ проис-

шествія и подлинныхъ допросовъ". Когда настанетъ время изданія полной біографіи М. Н. Муравьева, записка эта, безъ сомнѣнія, будетъ напечатана отъ слова до слова, потому что въ ней заключается почти пророческое описаніе событій, дѣйствительно наступившихъ 32 года спустя, и если бы начертанный Муравьевымъ мастерской обзоръ возстанія 1831 г. былъ своевременно принятъ въ серьезное вниманіе и если бы предлагаемыя имъ мѣры были приняты во всемъ ихъ объемѣ, то позднѣйшей смуты или вовсе не было бы, или же она разыгралась бы значительно слабѣе. Впрочемъ, Императоръ Николай, тотчасъ же послѣ польскаго возстанія, постепенно утверждалъ цѣлый рядъ вполнѣ целѣсообразныхъ реформъ, какъ, напримѣръ, упраздненіе виленскаго университета, указъ о разборѣ правъ состоянія и узаконеніе бывшей польской шляхты, возсоединеніе уніатовъ и, наконецъ, положеніе объ инвентаряхъ, и прочее, въ томъ же родѣ. Въ юго-западный край назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, и если бы сѣверо-западныя губерніи удостоились такого же энергичнаго, стойкаго и способнаго правителя,—вся западная окраина давно бы обрусѣла. Къ несчастію, въ Вильнѣ распоряжался человѣкъ малоспособный, чрезмѣрно уступчивый, жившій не по средствамъ и, поэтому, занимавшій деньги у польскихъ магнатовъ. И вотъ, подъ начальство этого правителя поступилъ Муравьевъ, переведенный изъ Могилева въ Гродну губернаторомъ. Это была вторая ступень, вторая подготовка къ исторической миссіи. Главная черта дѣятельности Муравьева въ западномъ краѣ обозначается въ томъ, что онъ, искореняя острую болѣзнь крамолы и мятежа, всегда заглядывалъ далеко впередъ, пріискивая мѣры къ предупрежденію возможности повторенія зла.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, казалось, наступило благопріятное время для коренныхъ реформъ. Трехсотлѣтнему дѣлу папизма и іезуитовъ грозилъ страшный ударъ. Унія разшатывалась и готовилась рухнуть. Починъ взялъ на себя греко-уніатскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, человѣкъ твердой воли, гибкаго ума, не уступавшій Муравьеву ни въ способностяхъ, ни въ энергіи, но болѣе спокойный, сдержанный и терпѣливый. Сѣмашко былъ душой великаго дѣла возсоединенія уніатовъ, довелъ его до конца, но долженъ былъ бороться съ громадными препятствіями. Въ борьбѣ съ мѣстными

затрудненіями помогалъ ему Муравьевъ, и епископъ могъ благодарить Бога, что хотя въ Гроднѣ онъ имѣлъ такую поддержку. Эти два человѣка должны были сблизиться и сочувствовать другъ другу; чего недоставало одному,—восполнялъ другой.

Но польская интрига повсемѣстно работала противъ Муравьева, стараясь затмить, сколько возможно, всѣ обнаруженные слѣды мятежныхъ дѣйствій въ краѣ. Въ особенности, крайне непріятны были имъ видимые успѣхи въ дѣлѣ возстановленія Православія, такъ что, въ началѣ 1853 г., Муравьевъ вынужденъ былъ оставить край и его перевели въ Курскъ военнымъ губернаторомъ.

Еще въ 1832 г. Муравьевъ переименованъ въ генералъ-маіоры. Со времени назначенія губернаторомъ въ Курскъ, онъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ своей исторической миссіи. Сѣверо-западный край лишился своего великаго государственнаго дѣятеля на цѣлыхъ 28 лѣтъ. Изъ Курска Муравьева вызвали въ Петербургъ и назначили членовъ комитета объ учрежденіи новаго управленія казенными поселеніями, а въ 1839 г. въ годъ возсоединенія уніатовъ,—дѣла, въ которомъ Муравьевъ, принималъ такое плодотворное участіе,—его назначили директоромъ департамента податныхъ сборовъ. Старый бородинскій воинъ опять надѣваетъ гражданскій виц-мундиръ, дѣлается тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Въ 1842 году Муравьевъ назначенъ управляющимъ межевымъ корпусомъ; въ 1849 г.—членомъ Государственнаго Совѣта и засѣдалъ въ немъ до 1856 г. Въ этомъ году, послѣ производства въ генералъ-отъ-инфантеріи, онъ назначенъ предсѣдателемъ департамента удѣловъ, съ оставленіемъ въ должности директора межеваго корпуса, а въ слѣдующемъ 1857 г.—министромъ Государственныхъ имуществъ.

Тутъ въ жизни Муравьева наступилъ какой-то странный переломъ. Многія современныя ему свидѣтельства, устныя и печатныя, высказываются въ томъ смыслѣ, что Муравьевъ положительно противился крестьянской реформѣ по существу и по формѣ. Самъ же онъ говоритъ: „Государю угодно было, чтобы непремѣнно государственные крестьяне были переданы въ общее управленіе въ сентябрѣ 1861 г. Къ тому времени проектъ положенія былъ составленъ, но я еще разъ упрашивалъ Государя не увеличивать неустройства прибавленіемъ еще 9 милліоновъ государственныхъ крестьянъ и выждать нѣкоторое время, пока вполнѣ будутъ видимы

послѣдствія реформы". Онъ настаивалъ на своемъ и во второй разъ, но его доводы не могли поколебать твердой рѣшимости Государя осуществить крестьянскую реформу быстро и безповоротно. Тогда Муравьевъ оставилъ министерство въ исходѣ 1861 г., уѣхалъ за границу, а по возвращеніи просилъ увольненія отъ управленія департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, оставивъ за собою званіе члена Государственнаго Совѣта и присутствующаго въ Комитетѣ финансовъ. Своимъ несочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ онъ прогнѣвалъ Императора и попалъ въ немилость, въ чемъ самъ сознается, упоминая, что „при оставленіи Министерства, видѣлъ нерасположеніе къ себѣ Государя". Михаилъ Николаевичъ вдругъ дѣлается такимъ же опаснымъ, какимъ былъ въ 1820 г. Но польскія событія 1862—1863 г. снова возвысили его.

Съ самаго начала безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ, т.-е. съ 1861 года, Правительство старалось укротить ихъ мѣрами снисхожденія и благосклонными послабленіями. О такихъ людяхъ какъ Муравьевъ, никто и не думалъ, но о нихъ вспомнили, когда дѣла наши въ Польшѣ и въ западномъ краѣ сильно усложнились. Разграбленіе графомъ Плятеромъ и Молемъ транспорта съ оружіемъ подъ Динабургомъ въ началѣ 1863 года произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что, вслѣдъ за дерзкимъ покушеніемъ Плятера, въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ вспыхнуло вооруженное возстаніе, а Франція, Англія и Австрія грозили вмѣшательствомъ въ наши дѣла. Не личный интересъ, а долгъ вѣрноподданнаго побудилъ Муравьева напомнить даже не о себѣ, а о своей службѣ въ 1831 году. Какъ же онъ поступаетъ? „По причинамъ возгорѣвшаго мятежа—пишетъ Муравьевъ,—я не признавалъ возможнымъ оставлять Россію и отложилъ предположеніе о поѣздкѣ за границу". На Высочайшемъ выходѣ 17-го апрѣля 1863 года, Государь милостиво заговорилъ съ Муравьевымъ о динабургскомъ событіи и сказалъ, что послалъ туда полкъ и надѣется, что все это будетъ прекращено. Муравьевъ позволилъ себѣ выразить сомнѣніе и, ссылаясь на свой тридцатилѣтній опытъ и знаніе западнаго края, замѣтилъ, что „тѣ же фамиліи, которыя замѣшаны въ мятежѣ 1831 года, участвовали и въ динабургскомъ дѣлѣ". На этомъ и кончился разговоръ, но онъ скоро возобновился. Усилившійся мятежъ и предвидѣніе внѣшней войны напомнили о двухъ братьяхъ Муравьевыхъ. Старшій, генералъ-

адъютантъ Николай Николаевичъ (Карскій), былъ вызванъ въ Петербургъ; 25-го апрѣля Императоръ совѣщался съ нимъ о защитѣ Балтійскаго побережья, и въ тотъ же день потребовалъ къ себѣ и Михаила Николаевича. Послѣднему Государь предложилъ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ съ командованіемъ всѣми войсками, въ немъ расположенными, съ присоединеніемъ четырехъ губерній Виленскаго округа и двухъ бѣлорусскихъ губерній.

1-го мая 1863 г. состоялся приказъ о назначеніи Муравьева, и съ того дня по 17-е апрѣля 1865 г. дѣянія его представляютъ одну изъ славнѣйшихъ эпохъ русской исторіи. Что касается характеристики мятежа, его развитія и подавленія, наконецъ, изображенія главнѣйшихъ подробностей борьбы съ мятежемъ и перечисленія и объясненія средствъ и мѣропріятій для укрощенія вооруженнаго бунта и прочнаго водворенія русской народности въ западномъ краѣ, то во всемъ этомъ, біографу Муравьева и будущему русскому историографу стоитъ только списать свидѣтельства объ этомъ автобіографіи покойнаго,—свидѣтельства совершенно наглядныя и неопровержимыя. Самъ графъ Муравьевъ описываетъ не одну, а троякую борьбу, выдержанную имъ въ 1863—1864 гг., а именно: 1) противъ польскаго мятежа; 2) противъ „превратнаго управленія Царствомъ Польскимъ", и 3) борьбу съ противодѣйствіемъ многихъ. Послѣдніе два пункта представляютъ обширное поле для историческихъ изслѣдованій, но дѣло это весьма трудное и щекотливое и должно быть предоставлено только будущему. Державная воля, одобрившая мысль о постановкѣ графу М. Н. Муравьеву памятника въ Вильнѣ, покрываетъ всѣ разноголосицы, которыя могли бы возникнуть и возникали еще не такъ давно.

Церковныя попечительства, какъ первоначальная форма христіанской благотворительности[1]).

Развитіе различныхъ видовъ общественной благотворительности представляетъ собою одно изъ наиболѣе выдающихся и отрадныхъ явленій современной жизни. Въ настоящее время рѣшеніемъ на-

[1]) Ставр. Еп. Вѣд. 1898 г. № 17.

сущнаго вопроса о наилучшей, возможно болѣе плодотворной постановкѣ общественной благотворительности въ нашемъ отечествѣ заинтересованы всѣ благомыслящія и просвѣщенныя лица; объ этомъ вездѣ говорять и пишутъ, надъ этимъ серіозно трудятся и дѣлаютъ разнообразныя практическія къ этому попытки. Но, къ сожалѣнію, многіе въ наше время, въ томъ числѣ нѣкоторые преднамѣренно, стараются уклониться отъ самой естественной, въ то же время первоначальной и наиболѣе благоплодной организаціи общественной христіанской благотворительности, имѣющей за собою и далекое прошлое, и ближайшее настоящее, и древнія наилучшія христіанскія традиціи, и добрыя свидѣтельства, и свѣтлыя явленія современной дѣйствительности: какъ извѣстно, въ наше время думаютъ организацію общественной благотворительности изъять изъ вѣдѣнія Церкви и поставить ее въ зависимость отъ гражданскаго, городского, или земскаго самоуправленія. Но подобнаго рода организація христіанской благотворительности прямо противорѣчитъ духу, идеѣ и основамъ послѣдней, и не только не имѣетъ за собою никакого прошлаго, но и прямо находитъ въ исторіи непререкаемыя противъ себя свидѣтельства. Исторія благотворительности въ древнѣйшій періодъ Церкви рѣшительно не говоритъ въ пользу такой отрѣшенности общественной благотворительности отъ Церкви и нимало не обѣщаетъ прочныхъ и утѣшительныхъ плодовъ отъ такой гражданской или, такъ сказать, мірской,—въ противоположность духовной, церковной,—постановки общественной благотворительности. Благотворительность въ древнемъ христіанскомъ мірѣ—частная и общественная всегда связывалась съ Церковью, находилась подъ ея благодатнымъ покровительствомъ и въ ней находила свою душу, свое вѣрнѣйшее, воодушевляющее начало. „Нельзя не признать односторонностью,—говоритъ извѣстный западный историкъ древнехристіанской благотворительности,—если въ настоящее время нѣкотые обнаруживаютъ склонность отнять у Церкви право попеченія о бѣдныхъ и дѣло благотворительности во всемъ своемъ объемѣ довѣрить другимъ общественнымъ органамъ. Какъ царство Божіе на землѣ не мыслимо безъ Церкви, такъ и дѣятельность любви (т. е. благотворительность) во всѣхъ другихъ общественныхъ сферахъ скоро замретъ если прекратится въ Церкви, и если, что еще останется отъ попеченія о бѣдныхъ, то, несомнѣнно, приметъ всецѣло

иной характеръ, нежели характеръ милосердой любви" [1])... И исторія въ этомъ случаѣ своими непререкаемыми свидѣтельствами представляетъ намъ много достохвальныхъ и поучительныхъ уроковъ и примѣровъ. Особенно поучительно познакомиться съ попеченіемъ Церкви о бѣдныхъ у первыхъ христіанъ, по литературнымъ памятникамъ I—III вѣковъ преимущественно. Изъ нихъ мы увидимъ, что церковныя попечительства о бѣдныхъ представляютъ собою первоначальную и древнѣйшую форму организаціи общественной христіанской благотворительности, ведущую свое начало отъ апостольскихъ временъ и освященную апостольскимъ преданіемъ.

Для настоящаго очерка въ этомъ случаѣ должно, прежде всего, обратить вниманіе на нѣкоторыя указанія книги Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ кратко, но опредѣленно изображаются черты внутренняго быта Церкви апостольской. „У множества увѣровавшихъ,—говоритъ дѣеписатель,—было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ Апостоловъ; и каждому давалось въ чемъ кто имѣлъ нужду" (Дѣян IV, 32—35). Такимъ образомъ нуждающихся не могло быть въ первоначальной христіанской общинѣ: владѣльцы домовъ и угодій продавали и клали деньги къ ногамъ апостоламъ, а тѣ уже раздѣляли деньги нуждающимся. Разсказанный далѣе случай съ Ананіей и Сапфирой (V, 1—11) показываетъ, что въ первоначальной христіанской общинѣ были и непригдядныя исключенія,—конечно, рѣдкія, какъ всякое исключеніе. На это намекаютъ отчасти послѣднія слова разсказа о сильномъ страхѣ, объявшемъ Церковь и всѣхъ вѣрующихъ по этому случаю, и, несомнѣнно, этотъ великій страхъ вызванъ былъ въ обществѣ вѣрующихъ не столько самой смертью Ананіи и Сапфиры по существу, сколько ихъ смертью, какъ видимымъ проявленіемъ гнѣва Божія. Подобный страхъ могъ пронизать только души людей съ извѣстнымъ однообразнымъ настроеніемъ, съ извѣстной, нравственной дисциплиной.

Такимъ образомъ Церковь въ первые вѣка завѣдывала имуществомъ вѣрующихъ, ей ввѣряли христіане свои достоянія, и она же,

---

[1]) Uhlhorn. Die christliche Liebestätigkeit. 2 Aufl. s. 66.

въ лицѣ своихъ представителей, распредѣляла ихъ между нуждающимися, сообразно ихъ нуждамъ и потребностямъ, хотя мы здѣсь еще не видимъ слѣдовъ церковныхъ *попечительствъ* въ ихъ собственномъ смыслѣ; но несомнѣнно, что уже въ это время Церковь, а не кто иной, стояла во главѣ христіанской общественной благотворительности и распоряжалась достояніемъ христіанъ, приносившихъ ея представителямъ—апостоламъ деньги, вырученныя за продажу имѣній, для правильнаго распредѣленія ихъ между всѣми нуждающимися. Церковь, такимъ образомъ, имѣла сокровищницу для бѣдныхъ, въ которую и поступали приношенія вѣрующихъ деньгами или припасами, при чемъ діаконы, которыхъ еще апостолы освятили на служеніе бѣднымъ (Дѣяніе II гл.), подъ надзоромъ настоятелей, раздѣляли эти приношенія между неимущими... Далѣе, мы видимъ, что частныя церкви въ то время помогали одна другой милостыней. И этотъ обычай также старъ, какъ сама Церковь, потому что получилъ начало при апостолахъ, когда разныя помѣстныя церкви дѣлали сборы въ пользу бѣдствовавшихъ іерусалимскихъ христіанъ (Дѣян. XI, 27. Ср. 1 Кор. XVI, 1 и дал.). Во всемъ слѣдуя преданію и ученію апостольскому, древнія церкви и впослѣдствіи никогда не отказывались помогать другимъ, нуждающимся въ пособіи [1]).

Такимъ образомъ уже на самыхъ первыхъ порахъ существованія Церкви новозавѣтной она стояла во главѣ христіанской благотворительности, организація которой находилась всецѣло въ ея рукахъ. Дальнѣйшія и подробнѣйшія свѣдѣнія объ организаціи и характерѣ общественной христіанской благотворительности за первые вѣка христіанства мы получаемъ изъ другихъ литературныхъ памятниковъ того достопамятнаго времени. Интересныя и цѣнныя данныя въ этомъ случаѣ находимъ въ извѣстномъ драгоцѣнномъ памятникѣ конца I и начала II вѣка Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων, откуда узнаемъ, на что, главнымъ образомъ, была обращена въ это время христіанская благотворительность, находившаяся въ завѣдываніи Церкви и ея представителей. Изъ этого памятника мы видимъ, что первоначальныя цѣли и заботы вѣрующихъ ограничивались питаніемъ бѣдныхъ членовъ общины и странниковъ. Такъ, въ гл. XI, ст. 9, мы читаемъ: „Всякій пророкъ, въ духѣ назначающій трапезу, не вкушаетъ отъ нея, если только онъ не лжепророкъ“. Въ гл. XII

[1]) *Евсевій*. Ц. Ист. VII, 5. IV, 23.

мы находимъ довольно подробно очерченный modus vivendi странниковъ въ христіанскомъ обществѣ. Выписываемъ текстъ этой главы въ виду ея важнаго значенія для сравненія съ послѣдующей практикой христіанскихъ общинъ, свѣдѣнія о которой сохранились въ Постановленіяхъ Апостольскихъ. Тамъ мы увидимъ, что задачи церковнаго попечительства расширились; детали завѣдыванія суммами, назначенными для вспомоществованія бѣднымъ, урегулированы,—но духъ христіанской любви, характеръ творимой помощи и централизація прилива пожертвованій и раздачи ихъ бѣднымъ остались тѣ же, что и въ вѣкъ апостольскій.

Итакъ, вотъ что узнаемъ мы объ этомъ вѣкѣ, касательно интересующаго насъ вопроса, изъ XII главы (ст. 2—5) Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων. „1. Всякій приходящій во имя Господне да будетъ принятъ; послѣ же, испытавъ, вы узнаете его, потому что вы будете имѣть разумѣніе истиннаго и ложнаго. 2. Если приходящій —странникъ, помогите ему сколько можете; но пусть онъ не остается у васъ болѣе двухъ или трехъ дней, если такъ будетъ нужно ему. 3. Если же онъ желаетъ жить у васъ, то если онъ ремесленникъ (τεχνίτης), пусть трудится и ѣстъ. 4. Если же онъ не знаетъ никакого ремесла, то по собственному разумѣнію промыслите о немъ, чтобы христіанинъ не жилъ празднымъ среди вашего общества. 5. А если онъ не желаетъ поступать такъ, то онъ христопродавецъ, отвращайтесь отъ такихъ". Разборъ этого текста приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) христіане въ описываемое время (I-II вѣка христіанства) жили тѣсно сплоченными и проникнутыми единодушіемъ общинами; 2) нѣкоторые изъ христіанъ странствовали,—въ видахъ ли миссіонерства, или съ цѣлью снискать пропитаніе; 3) общины христіанскія обязывались принимать такихъ странниковъ, не разспрашивая ихъ ни о чемъ предварительно, и оказывать имъ гостепріимство на нѣсколько дней; 4) желающій пристать къ извѣстной общинѣ только тогда становился полноправнымъ членомъ ея, когда обязывался заняться ремесломъ, какое знаетъ, и личнымъ трудомъ снискивать средства къ жизни, не отягощая собой прочихъ членовъ общины; 5) въ противномъ случаѣ онъ клеймится наименованіемъ христопродавца, и община прекращаетъ съ подобнымъ человѣкомъ всякія сношенія, отлучаетъ его отъ себя. Пятый пунктъ, на первый взглядъ, возбуждаетъ недоумѣніе, которое, впро-

чемъ, разрѣшается легко при снесеніи съ 13 стихомъ XI главы: „если же кто будетъ приглашать къ пожертвованію для другихъ нуждающихся, никто пусть не осуждаетъ его“. Слѣдовательно, христіанскія общины считали своей нравственной обязанностью, основанной на заповѣди Божіей, помогать неимущимъ членамъ своимъ, которые не могли, по разнымъ причинамъ, сами достать себѣ средства къ жизни. Содержаніе же 5 стиха XII главы указываетъ лишь на крайнюю предусмотрительность общины: если бы онѣ помогали каждому страннику, то легко могло бы образоваться, какъ вокругъ ядра, вокругъ всякой христіанской общины скопище праздныхъ тунеядцевъ, которые жили бы подаяніемъ, избѣгая труда по своей лѣности и нравственной испорченности. Такое положеніе дѣлъ, отвлекая денежныя суммы въ другую сторону—на пособіе пришельцамъ, могло бы тяжело отозваться на матеріальной сторонѣ существованія коренныхъ исконныхъ членовъ данной общины. Опасаясь такого нежелательнаго исхода неразборчивой благотворительности, первые христіане, какъ видно, предлагали появлявшимся странникамъ согласно съ христіанскимъ чувствомъ гостепріимство на первые два—три дня, а затѣмъ по отношенію къ нимъ поступали согласно уже съ характеромъ и цѣлями странниковъ: тунеядцевъ абсолютно не терпѣли и удаляли изъ общины.

Въ гл. XIII того же памятника мы узнаемъ, изъ чего состояли приношенія въ пользу бѣдныхъ: для этой цѣли предназначался „всякій начатокъ отъ продуктовъ точила и гумна, начатокъ отъ быковъ и овецъ“ [1]). „Когда ты приготовишь пищу“,—читаемъ мы далѣе (ст. 5—7),—„взявъ начатокъ отдай по заповѣди [2]). Также, открывъ сосудъ съ виномъ или елеемъ, возьми начатокъ и отдай... И отъ серебра, и отъ одежды, и отъ всякаго имущества, взявъ начатокъ, сколько захочешь самъ, отдай по заповѣди“ [3])... Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ свидѣтельствъ Διδαχή τῶν δώδεκα ἀποστόλων мы видимъ, что уже въ началѣ II вѣка церковныя по-

---

[1]) Διδαχή, XIII, 3—4.

[2]) А Гарнакъ въ статьѣ Apostellehre (у Herzog und Plitt, B. XVII) говоритъ, что подъ *заповѣдью*, вѣроятно, слѣдуетъ понимать слова І. Христа въ ев. Мѳ. XXIII, 23 и Лк. XI, 42 (ἔλεος ἀγάπη τοῦ Θεοῦ). Мы же, съ своей стороны, склонны думать, что здѣсь скрывается указаніе на Мѳ. XXII, 39 и XXV, 35—36, 40.

[3]) Διδαχή, XIII, 5—7.

печительства стояли во главѣ дѣла христіанскаго благотворенія, и христіанскія общины того времени, подчиняясь въ этомъ случаѣ волѣ и вліянію Церкви и ея представителей, дѣйствовали съ замѣчательнымъ безкорыстіемъ, единодушіемъ и евангельскимъ благоразуміемъ, въ духѣ истинно-христіанской любви, не щадя для бѣдныхъ, особенно странниковъ—христіанъ (болѣе всего, вѣроятно, христіанскихъ миссіонеровъ) ни своихъ силъ, ни достояній, но въ то же время и не потворствуя тунеядцамъ и изгоняя ихъ даже изъ своей среды. Этимъ-то единодушіемъ и христіанской осмотрительностью, кажется, и не можетъ похвалиться современная благотворительность, тщетно измышляющая для себя новые пути и напрасно бѣгающая въ этомъ случаѣ надзора и водительства Церкви. Не такъ поступали первенствующіе христіане, непрестанно памятовавшіе, что всякая любовь имѣетъ свой источникъ въ любви къ Богу чрезъ вѣру въ Іисуса Христа, о которой проповѣдуетъ Церковь, и потому въ дѣлѣ христіанской благотворительности всецѣло повиновавшіеся благотворному вліянію и авторитетному голосу Церкви.

Далѣе, въ *Постановленіяхъ Апостольскихъ*, памятникѣ, текстъ котораго въ нѣкоторыхъ частяхъ восходитъ къ концу II или началу III вѣка, мы находимъ уже слѣды правильной организаціи церковныхъ попечительствъ. По этому памятнику христіанской письменности, центромъ помощи бѣднымъ является Церковь и ея клиръ [1]). Сюда сносились вѣрующими добровольныя пожертвованія въ пользу неимущихъ членовъ общины, τά ἑκουσία [2]). „Вносимыя въ пользу бѣдныхъ добровольныя пожертвованія, — читаемъ мы здѣсь между прочимъ,—пусть онъ (епископъ) честно распредѣляетъ сиротамъ, вдовамъ, несчастнымъ и нуждающимся странникамъ“. Во главѣ дѣла стоитъ епископъ (или пресвитеръ), который, какъ руководитель и глава дѣла общественной христіанской благотворительности, трогательно называется *экономомъ Божіимъ* [3]): „о бѣдныхъ, епископъ, помни, простирая имъ руку помощи и промышляя о нихъ, какъ экономъ Божій, благовременно каждому распредѣляя приношенія,—вдовамъ, сиротамъ, недостаточнымъ и искушаемымъ

[1]) Const. Apost. II, 25. 32; III, 3: IV, и дал.
[2]) II 25; III, 4.
[3]) II, 32; III. 3.

скорбью“ [1]). Для развитія дѣла христіанскаго благотворенія и расширенія церковной сокровищницы для бѣдныхъ, епископы, какъ организаторы и руководители христіанской общественной благотворительности, въ извѣстные дни обращались къ паствѣ съ воззваніемъ о пожертвованіи въ пользу бѣдныхъ [2]). Для опредѣленія мѣры нужды всякаго требующаго, діаконы, завѣдывавшіе приходомъ и расходомъ этихъ суммъ, исполнявшіе въ этомъ случаѣ волю епископа и подчиненные ему въ дѣлѣ распоряженія суммами церковныхъ попечительствъ о бѣдныхъ [3]),—вели болѣе или менѣе вѣрные статистическіе списки, въ которыхъ были обозначены имя, ремесло, возрастъ, полъ, мѣстожительства, семейныя обстоятельства и проч. желавшихъ получить пособіе. По значительному участію діаконовъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, благотворительность въ древней Церкви нерѣдко называлась діаконствомъ (διακονία). И мѣстомъ сбереженія сокровища для бѣдныхъ служилъ діаконикъ— алтарное отдѣленіе съ правой стороны. Въ занятіяхъ діаконовъ принимали участіе и женщины, и въ такомъ случаѣ онѣ получали названіе діакониссъ [4]). Около Церкви, подъ ея охраной и покровительствомъ, группируются, по *Постановленіямъ Апостольскимъ*, разнообразныя благотворительныя учрежденія: орфанотрофіи (воспитательные пріюты для сиротъ) [5]), богадѣльни для вдовъ [6]), парѳеноны (обители для дѣвъ, посвятившихъ себя служенію Христу, или же дожидающихся совершеннолѣтія для выхода замужъ) [7]), воспомогательныя кассы для субсидій ремесленникамъ [8]), носокоміи (больницы) [9]), ксенодохіи (гостинницы для пріема и продовольствія странниковъ [10]) и регулярное подаяніе заключеннымъ въ тюрьмахъ [11]).

[1]) Тамъ-же. Также см. IV, 2. 9.

[2]) См. Const. Apost. IV, 9: „скажи паствѣ твоей словами премудраго Соломона: чти Господа отъ праведныхъ трудовъ твоихъ, и такимъ образомъ отъ праведнаго стяжанія вѣрныхъ питайте и одѣвайте нуждающихся и распредѣляйте собираемыя деньги“ и проч.

[3]) Const. Apost. II, 32.

[4]) Const. Apost. III, 51.

[5]) II, 25; III, 3; IV. 2

[6]) II, 25; III, 3, 4; IV, 2.

[7]) IV, 2.

[8]) IV, 2.

[9]) IV, 2.

[10]) II, 25; IV, 2.

[11]) IV, 2.

„Вы, епископы,—читаемъ мы въ IV кн. 2 главѣ Постановленій Апостольскихъ,—заботьтесь о воспитаніи сиротъ, все доставляя имъ: сиротамъ замѣняйте родителей, вдовамъ своей заботой напоминайте мужей, созрѣвшимъ для брачной жизни уготовляйте бракъ, ремесленнику доставляйте работу, бѣдному милостыню, странникамъ кровъ, алчущимъ хлѣбъ, жаждущимъ питье, нагимъ одѣяніе, больнымъ уходъ, заключеннымъ въ темницу помощь“ [1])...

Кромѣ того, предстоятели Церкви на эти же суммы, составлявшіяся изъ доброхотныхъ даяній вѣрующихъ, выкупали плѣнныхъ, освобождали рабовъ, облегчали участь заключенныхъ и обреченныхъ на смерть въ единоборствѣ, въ качествѣ гладіаторовъ (μονόμαχος) [2]).

Это назначеніе епископовъ въ смыслѣ распорядителей раздачей пособій бѣднымъ членамъ христіанскихъ общинъ объясняется чисто-семейнымъ характеромъ послѣднихъ; здѣсь всѣ члены чувствовали себя соединенными какъ-бы кровными родственными связями, вслѣдствіе чего епископъ, какъ глава общины или церкви, получалъ значеніе въ глазахъ христіанской общины истиннаго отца семьи, одинаковой любовью обнимающаго всѣхъ своихъ семейныхъ и заботящагося о томъ, чтобы всѣ они равно имѣли для себя необходимыя средства жизни. Какой трогательный и поучительный примѣръ для современнаго себялюбиваго общества и современной благотворительности, во многомъ утратившемъ свой христіанскій духъ и характеръ!

Не менѣе поучительно и достойно вниманія и то, какимъ лицамъ и въ какой формѣ оказывала первенствующая Церковь пособія въ пользу бѣдныхъ, какъ поступала она въ этомъ случаѣ благоразумно и мудро. Какъ сейчасъ мы говорили, Церковью былъ оргонизованъ цѣлый рядъ правильно устроенныхъ благотворительныхъ учрежденій И вообще достойно вниманія то, что тунеядцы и лѣнтяи, праздношатающіеся бѣдными изъ желаніями пользоваться общественнымъ добромъ,—не имѣли права разсчитывать на общественную благотворительность. Кормить лѣнивыхъ, но способныхъ работать—считалось уже и тогда только поводомъ ко грѣху. Апостольскія Постановленія, согласно съ заповѣдію апостола Павла:

[1]) IV, 2.
[2]) IV, 9.

аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ (2 Сол. III, 10), предписывали: „голодный лѣнивецъ не заслуживаетъ помощи; онъ даже не достоинъ назваться членомъ Церкви. Надобно учить дитя, чтобы оно понимало какое нибудь ремесло и было въ состоянiи содержать себя, а не злоупотреблять податливостью своихъ собратiй“ [1]). При раздачѣ милостыни обращали также вниманiе на добрую нравственность и благочестiе ждущихъ помощи.

Вообще благотворительная дѣятельность первенствующей Церкви, по изображенiю вышеозначенныхъ церковно-литературныхъ памятниковъ I—III вѣковъ, была обширна и прекрасно организована. При единодушiи членовъ данной христiанской общины такая организацiя дѣла попечительства о бѣдныхъ являлась правильнымъ механизмомъ, застрахованнымъ отъ паденiя или уничтоженiя внутреннею силою любви къ ближнимъ, одушевлявшей тогдашнихъ христiанъ на такiя дѣла, которыя мы теперь въ нашъ слабый, расшатанный вѣкъ называемъ героическими. Между тѣмъ, герои съ нашей точки зрѣнiя были не болѣе какъ люди толпы,—но той толпы, Единый Пастырь которой—Христосъ, въ которой *нѣсть еллинъ, ни iудей*, ни *рабъ*, ни *свободь,*—но *вся и во всѣхъ Христосъ* (Кол. III, 11)...

Не вдаваясь въ дальнѣйшее, подробнѣйшее историческое изслѣдованiе древне-христiанской благотворительности [2]), замѣтимъ лишь въ заключенiе, что выше приведенныя свидѣтельства ясно и неоспоримо говорятъ о томъ, что древность благотворительности бѣднымъ, въ формѣ попечительствъ, непререкаема, и именно церковныхъ попечительствъ, которыя являются такимъ образомъ первоначальною формою христiанской благотворительности,—что организацiя этого дѣла христiанскаго благотворенiя издревле и всецѣло сосредоточивалась въ рукахъ клира, которому была обязана своимъ устройствомъ, начиналась въ Церкви, въ храмѣ Божiемъ, и велась подъ руководствомъ и въ духѣ святой Церкви.

Какой высокiй примѣръ для нашихъ современныхъ церковныхъ попечительствъ! Какой поучительный урокъ для нашихъ

[1]) Const. Apost. II; 4; IV, 2,

[2]) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ обстоятельному труду прот. I. Д. Петропавловскаго: „Историческiй очеркъ благотворительности и ученiя о ней“, помѣщенному въ книжкахъ *Душеполезнаго чтенiя* 1894—95 гг. и затѣмъ вышедшему отдѣльнымъ изданiемъ.

самозванныхъ „учителей истины“, отрицательно или пренебрежительно относящихся къ этимъ попечительствамъ! Какое свѣтлое и твердое руководство для пастырей и вѣрной паствы! Проста Божественная заповѣдь Спасителя: *возлюбиши искренняго* (ближняго) *твоего, яко самъ себе* (Мѳ. XXII, 39),—но какъ разнообразны плоды ея вѣрнаго и тщательнаго исполненія! И притомъ, для желающихъ исполнить ее, сама жизнь становится краше, полнѣе и цѣлесобразнѣе; иго ея дѣлается благимъ, и бремя—легкимъ; миръ наполняетъ душу, и въ сердцѣ сіяетъ отблескъ радости, какъ предвкушеніе блаженства, обѣщаннаго милостивымъ (Мѳ. V, 7)... Но эта любовь къ ближнему и благотворительность христіанская, какъ одна изъ наивысшихъ выраженій ея, не должны чуждаться Церкви, а въ ней искать своихъ основъ и опоры. Лишь изъ нѣдръ Церкви исходятъ во всѣ другія общественныя сферы силы къ дѣятельному обнаруженію любви, только въ Церкви, какъ въ своей настоящей стихіи, подъ воздѣйствіемъ истинно-христіанскихъ религіозно-нравственныхъ идей, можетъ имѣть прочные устои, успѣшно развиваться и процвѣтать строго организованная общественная благотворительность.

Извѣстія и замѣтки.

— *Церковное торжество въ с. Барсукахъ, Могилевскаго уѣзда.*— (Корреспонденція). 28 минувшаго августа, въ с. Барсукахъ, Могилевскаго уѣзда, происходило церковное торжество. Была освящена вновь устроенная гробница для мѣстныхъ святынь.

Обстоятельства, вызвавшія это торжество, были таковы. Еще въ 1896 году, при приведеніи въ порядокъ церковной библіотеки и ризницы, мѣстнымъ священникомъ о. Михаиломъ Новскимъ были усмотрѣны ковчежцы съ святынею. Что это была святыня,—сомнѣнія не возникало, но являлся вопросъ,—какая это святыня и какимъ образомъ она здѣсь появилась? По тщательномъ пересмотрѣ церковныхъ документовъ, обнаружилось слѣдующее. Въ церковной описи, составленной въ 1878 году, въ отдѣлѣ IV, подъ №№ 144 и 145 отмѣчено, что въ Барсуковскомъ храмѣ хранится святыня: въ одномъ ковчежцѣ, о трехъ отдѣленіяхъ, имѣются: камень отъ гроба Господня, камень отъ гроба Божіей Матери и часть благословеннаго хлѣба, освященнаго патріархомъ въ Іерусалимскомъ храмѣ;

въ другомъ ковчежцѣ, также о трехъ отдѣленіяхъ, имѣются: частицы мощей разныхъ святыхъ, камень отъ гроба свв. праведныхъ Іоакима и Анны и камень отъ иконы Божіей Матери Кіевскаго Софійскаго собора мозаичной работы; крестъ серебряный вызолоченный съ рѣзными иконами, въ которомъ хранятся частицы свв. мощей: св. мученика Василія Амасійскаго, св. мучениковъ Меркурія и Мардарія, и въ отдѣльномъ маленькомъ серебряномъ крестѣ—часть св. животворящаго креста Господня. Вся сія святыня, продолжаетъ опись, дана Высокопреосвященнымъ Анатоліемъ, бывшимъ Архіепископомъ Могилевскимъ и Мстиславскимъ, при выѣздѣ его на покой въ Гербовецкій монастырь, Кишиневской епархіи, священнику о. Николаю Носовичу, а имъ оставлена въ семъ Рождество-Богородицкомъ храмѣ и внесена въ опись.

Когда, такимъ образомъ, выяснены были указанныя обстоятельства, мѣстный священникъ, находя, что святынямъ приличествуетъ болѣе чествованіе открытое, въ мартѣ мѣсяцѣ 1897 года обратился съ просьбою къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Мисаилу, Епископу Могилевскому и Мстиславскому, о разрѣшеніи устроить ему общую для упомянутой святыни гробницу на подобіе, какъ это сдѣлано въ Могилевскомъ каѳедральномъ соборѣ, чтобы выставить ее на видномъ мѣстѣ въ храмѣ для общаго ея чествованія. Владыка благословилъ это дѣло, а прихожане, ближайшіе помѣщики и нѣкоторые горожане, предложили свои пожертвованія на устройство гробницы. Кромѣ того, на эти же пожертвованія, по особому заказу, пріобрѣтена была икона ($1^1/_2$ арш. длины и 1 арш. ширины) свв. мучениковъ: Меркурія Смоленскаго, Василія Амассійскаго и препод. Мардарія. Къ половинѣ августа текущаго года всѣ приготовленія были окончены и, съ разрѣшенія Архипастыря, днемъ торжества назначено было упомянутое 28-е августа. Когда опредѣлился день торжества, мѣстные прихожане составили приговоръ, по которому они постановили собрать новыя пожертвованія на пріобрѣтеніе лампады и двухъ подсвѣчниковъ къ гробницѣ и запрестольнаго семисвѣчника (всѣ эти предметы къ 28 августа были пріобрѣтены и обошлись въ 96 руб. 20 к.), а также постановили день 28 августа и въ послѣдующіе годы праздновать.

Наканунѣ 28 августа, въ мѣстномъ храмѣ, при множествѣ богомольцевъ торжественно отправлено было всенощное бдѣніе, каковое совершали: помощ. благочиннаго 1-го округа, Могилевскаго уѣзда, священникъ Шкловской Воскресенской церкви о. П. Пославскій, священникъ Водвянской церкви о. І. Голодковскій, священникъ Лозицкой церкви о. Д. Тужиковъ въ сослуженіи протодіакона каѳедральнаго собора о. П. Новскаго и мѣстнаго діакона о. П. Черногорцева. Особенно торжественна

была литія, совершенная внѣ храма, по четыремъ его странамъ. Въ день самого торжества для участія въ божественной литургіи прибыли еще: священникъ Высоцкой церкви о. Н. Шафрановскій и священникъ Отмутской церкви о. І. Горбачевскій. Во время запричастнаго стиха мѣстнымъ священникомъ было сказано поученіе, въ которомъ онъ выяснилъ дѣйствительность нашихъ молитвъ предъ свв. угодниками Божіими, какъ ходатаями за насъ предъ Богомъ. По заамвонной молитвѣ совершено было, по чину, освященіе ново-устроенной гробницы, а за тѣмъ верхняя доска ея священнослужителями была внесена въ алтарь и положена на св. престолъ, при чемъ священнослужители вложили въ нее имѣющуюся святыню. При пѣніи тропаря святымъ, мощи которыхъ помѣщались въ гробницѣ, начался молебенъ и крестный ходъ вокругъ храма съ чтеніемъ Евангелія по четыремъ сторонамъ храма и провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій. Гробница со святынею при этомъ несена была священнослужителями. Молящихся въ этотъ день было еще болѣе, чѣмъ наканунѣ. Кромѣ мѣстныхъ прихожанъ здѣсь видны были прихожане и изъ многихъ другихъ приходовъ.

— Совершеніемъ въ обычное время торжественной вечерни съ акафистомъ Спасителю закончилось описываемое торжество, произведшее, какъ нельзя было не замѣтить, на всѣхъ, здѣсь присутствовавшихъ, отрадное впечатлѣніе.

Священникъ Мих. Новскій.

— *Муравьевскій музей.*—Въ связи съ предстоящимъ въ текущемъ году открытіемъ въ Вильнѣ памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, явилась настоятельная потребность выяснить личность этого великого русскаго дѣятеля на основаніи документовъ и другихъ памятниковъ. Съ этою цѣлью намѣчено было виленскимъ генералъ-губернаторомъ. генералъ-адъютантомъ В. Н. Троцкимъ устройство *Муравьевскаго музея.* Въ этомъ музеѣ предположено было сосредоточить: 1) Муравьевскій архивъ. куда вошли бы дѣла по различнымъ отраслямъ управленія, рѣшенныя графомъ. 2) Муравьевскую библіотеку, въ составъ которой вошли бы періодическія изданія, выходившія въ краѣ при графѣ Муравьевѣ, а равно и книги и статьи періодической прессы, посвященныя описанію событій 1863—1865 годовъ и оцѣнкѣ трудовъ графа, записки и воспоминанія сотрудниковъ Муравьева. 3) Фотографическія изображенія тѣхъ церквей и часовенъ православныхъ, которыя возстановлены изъ развалинъ графомъ Муравьевымъ (желательно было бы имѣть фотографіи ихъ и въ состояніи разрушенія) и вновь построены, а равно и другихъ сооруженій 1863—1865 г. для правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. 4) Памятныя записки о томъ, что сдѣлано графомъ для улучшенія различныхъ

учрежденій. 5) Портреты графа Муравьева и его сотрудниковъ и картины, изображающія эпизоды изъ жизни края въ 1863—1865 г. 6) Вещи, оставшіяся послѣ графа Муравьева, имѣющія отношеніе къ пребыванію его въ Вильнѣ.

Объ открытіи музея возбуждено было г. главнымъ начальникомъ края ходатайство.

Въ 9 день минувшаго іюля мѣсяца, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ на открытіе и устройство при виленской публичной библіотекѣ Муравьевскаго музея, столь необходимаго въ С.-Западномъ краѣ для подробнаго и правильнаго ознакомленія общества съ благотворною исторической дѣятельностію покойнаго графа М. Н. Муравьева.

По этому поводу г. генералъ-губернаторъ образовалъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя учебнаго округа д. с. с. Бѣлецкаго.

— *Вразумительное обстоятельство.* —Недавно съ одного пассажирскаго парохода, на пути между Енотаевскомъ и Астраханью, упалъ въ Волгу и утонулъ пассажиръ, нѣкто Т.,—по происхожденію еврей.— Трагической смерти этого господина предшествовали обстоятельства, придающія исключительный интересъ данному случаю, о которыхъ „Астрах. Лист." сообщаетъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ слѣдующее:

Г. Т. коммерсантъ, изъ столь распространеннаго въ наше время сорта полуобразованныхъ людей, держалъ себя на пароходѣ весьма развязно и даже—неприлично. Въ разговорѣ съ другими пассажирами онъ позволялъ себѣ рзанаго рода пошлыя и дерзкія выходки. Между прочимъ, касаясь религіозныхъ вопросовъ, онъ съ насмѣшкой отзывался о христіанствѣ, отпускалъ разнаго рода шутки и остроты на религіозныя темы, доводя цинизмъ свой до крайней степени. Въ числѣ пассажировъ находились люди образованные и приличные, но они, къ сожалѣнію, не остановили расходившагося болтуна и не приняли никакихъ мѣръ къ его обузданію. Не встрѣчая никакого противодѣйствія, Т. продолжалъ кощунствовать и безобразничать,—до тѣхъ поръ, пока само Провидѣніе не заставило его умолкнуть: наклонившись черезъ бортъ больше, чѣмъ слѣдовало, Т. опрокинулся въ воду и сейчасъ-же утонулъ!

На пассажировъ, только что бывшихъ свидѣтелями шумныхъ выходокъ Т—ра и его суесловія, эта катастрофа произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Вѣрующіе люди нашли непосредственную связь между богохульными поступками Т—ра и его неожиданной гибелью, усмотрѣвъ наказаніе во второмъ за первое; люди, равнодушные къ религіи, заду-

мались надъ удивительнымъ совпаденіемъ пошлаго словоблудія этого человѣка съ его смертью при столь необыкновенной обстановкѣ.

— *Курское злодѣяніе и интеллигентные сектанты.* — Журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ издалъ отдѣльною брошюрой статью извѣстнаго сектантовѣда В. Скворцова, посвященную Курскому покушенію на св. икону Божіей Матери. Авторъ не обинуясь называетъ это преступленіе иконоборческимъ. „По нашему крайнему убѣжденію, о Курскомъ взрывѣ мало сказать, что онъ совершенъ изъ политическихъ только цѣлей; тутъ мотивъ болѣе сложный. Мы не сомнѣваемся, что преступленіе задумано, созрѣло и подготовлено именно на почвѣ религіозно-политической, въ нѣдрахъ новѣйшаго сектантства, въ крайней его фракціи, которая, вотъ уже 10—15 лѣтъ, какъ образовалась изъ союза извѣрившихся интеллигентовъ съ народными отщепенцами отъ Церкви. Сущность и ближайшія задачи ученія этой секты заключаются въ распространеніи въ народѣ такъ называемыхъ отрицательныхъ воззрѣній штунды въ отношеніи обрядовъ и таинствъ православія, или церковной анархіи; положительная же сторона ученія заключаетъ въ себѣ проповѣдь антихристіанской догмы пантеизма и соціально-коммунистическихъ утопій.

Авторъ указываетъ, что революціонная борьба «интеллигенціи», не имѣя успѣха на политическомъ поприщѣ, перешла къ стремленію подорвать вѣру народа. „На 3-емъ миссіонерскомъ съѣздѣ архимандритъ Тихонъ, въ мірѣ докторъ Оболенскій, коротко знающій по свѣтской своей жизни и интеллигентное сектантство, извѣстное подъ именемъ толстовства, совершенно основательно высказалъ, что въ послѣдніе 10—15 лѣтъ эта новѣйшая форма нашего сектантства укрываетъ подъ своею ферулою интеллигентовъ соціалистическаго образа мыслей, которые, въ свою очередь, безнаказанно начали посѣвать (и уже посѣяли достаточно!) сѣмена безбожія и анархіи въ средѣ народа, маскируя религіей въ глазахъ правительства свои противогосударственныя затѣи. Прямая проповѣдь анархіи, „при походахъ соціалистовъ 70-хъ годовъ въ народъ“, какъ извѣстно, не удалась,—и вотъ подысканъ новый путь черезъ мостъ сектантства. И дѣйствительно, если заглянуть въ curriculum vitae любаго изъ интеллигентныхъ сектантовъ толстовцевъ, то окажется, что всѣ они съ громкимъ политическимъ прошлымъ..., и лишь въ толстовствѣ преобразились изъ разрушителей какъ бы въ кроткихъ агнцевъ и провозвѣстниковъ любви и мира. Однако успѣхъ пропаганды толстовскаго лжеученія среди православныхъ не радуетъ интеллигентныхъ верховодовъ: ихъ усилія натолкнулись здѣсь на твердыню народной вѣры. Въ одномъ изъ откровенныхъ писемъ, помѣщенныхъ въ заграничномъ органѣ русскаго сектантства, *Бесѣди*,—нѣкто изъ толстовскихъ агитаторовъ писалъ, что, для успѣха

въ народѣ пониманія „истиннаго смысла жизни“ (толстовской), необходимо прежде сломить три суевѣрія: вѣру въ божественность Христа Спасителя, въ боговдохновенность Св. Писанія и приверженность народа къ церковному идолопоклонству“ (т. е. къ почитанію святынь православія). И толстовцы не дремали,—работали въ этомъ направленіи и языкомъ, и перомъ, будучи вдохновляемы изъ Ясной Поляны, издавали катехизисы, трактаты въ родѣ „Вѣрнаго Авраама“, насадителя благочестія и истребителя идоло иконопочитанія и др.“.

Авторъ приводитъ подлинныя цитаты, показывающія съ какимъ злобнымъ остервененіемъ относятся эти люди къ охранительницѣ духовнаго и политическаго здравія народнаго—Церкви православной. „Въ пресловутомъ „Царствіи Божіемъ“ гр. Л. Толстой прямо говоритъ: „Дѣятельность русской церкви состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами *внушать 100 миліонной массѣ* русскаго народа тѣ *отсталыя, отжитыя*, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія“, не имѣющія никакого смысла для людей нашего времени формулы византійскаго духовенства о Троицѣ, о Божіей Матери, о таинствахъ, благодати и т. п. Другая часть ея (Церкви) дѣятельности составляетъ дѣятельность *поддержанія идолопоклонства* въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова“.

„Далѣе идутъ столь богохульственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожно-глупыя насмѣшки надъ святыми таинствами, иконами, мощами, что мы предпочитаемъ не воспроизводить этихъ, въ полномъ смыслѣ, гнусныхъ выходокъ несчастнаго графа Л. Толстаго, загубленнаго нигилизмомъ, выше котораго онъ, къ несчастью своему и своей родины, не умѣлъ подняться. Среди прочихъ прегрѣшеній Церкви, гр. Л. Толстой указываетъ и то, что она учитъ дѣтей молиться много разъ за здоровье и благоденствіе Царя и архіереевъ и за себя, и за свои дѣла, и потомъ цѣловать крестъ и руку у священника“.

Характеристиченъ и другой отрывокъ. „Приведемъ еще и отрывокъ изъ подлиннаго письма другого просвѣщеннаго толстовца-аристократа, *князя Хилкова*,—образецъ не менѣе грубой нетерпимости въ отношеніи православія. Замѣтимъ, что письмо писано въ 1894 году къ крестьянину-толстовцу Курской губерніи, въ отвѣтъ на вопросы послѣдняго: „Вы задаете мнѣ нѣсколько вопросовъ, пишетъ князь Хилковъ, на которые постараюсь отвѣтить какъ могу. О попѣ Иванѣ Сергѣевѣ (назыв. Кронштадтскимъ) говорить не буду. Я его знаю лично и пришелъ къ заключенію, что онъ тотъ, что называли въ древности колдуномъ, волхвомъ. Онъ несомнѣнно обладаетъ извѣстною силою и подобно Симону—волхву дѣйствуетъ ею. Но несомнѣнно также (!) что духъ (князь въ грамматикѣ не силенъ, видно) который имъ руководитъ, не есть духъ истины, правды

и любви. Это уже видно изъ того, что гдѣ онъ бываетъ (!) тамъ разгораются худшія изъ страстей: алчность, зависть, неприязнь людей другъ къ другу. Говорятъ что онъ о бѣдныхъ заботится, но вѣдь такъ точно (?) Іуда о нихъ заботился (!) когда упрекнулъ Марію въ разлитіи драгоцѣннаго масла".

„О молитвѣ... православные попы, какъ попугаи, говорятъ слова по своему желанію (?) и потому это не молитва, а словоизверженіе. Литургіи (?) читаемыя (?) и совершаемыя не по повелѣнію Духа, (?), а по хотѣнію человѣковъ, суть идолопоклонство".

„Иконы, кресты—не Богъ, а вещь. Поклоняться вещамъ есть идолопоклонство. Попы, которые говорятъ что Моисей змія вознесъ на крестъ —врутъ: въ Библіи сказано на знамя. Вообще совѣтывалъ бы вамъ меньше обращаться съ (къ ?) этими мошенниками". „Вотъ и вся княжеская апологія! Такъ поучаютъ народъ аристократы-сектанты!".

Эта злоба сектантовъ-интеллигентовъ все расла въ виду крѣпости народной вѣры; но успѣхъ все таки оказывается слабый. Народъ стоитъ за свои святыни стѣною и горою. Вотъ, не здѣсь ли и надо искать ключъ къ уразумѣнію Курскаго злодѣянія".

Авторъ вспоминаетъ, что „въ истекшемъ году во время торжества перенесенія чудотворной иконы изъ Курска въ Коренную пустынь, было совершенно сходное покушеніе на взрывъ,—также были брошены подъ икону какіе то метательные разрывные снаряды,—произведенъ среди богомольцевъ страшный переполохъ, вызвавшій увѣчья".

Сверхъ того,—„мы должны замѣтить, что лѣтомъ и осенью прошлаго же года среди народа и въ обществѣ держались упорные толки, извѣстные и въ Кіевѣ, о злоумышлявшемся, будто бы, и только благодаря чудесному заступленію свят. Ѳеодосія, неудавшемся взрывѣ у гробницы Черниговскаго Чудотворца, при посредствѣ якобы начиненной порохомъ и поставленной изувѣромъ Святителю пудовой свѣчи. Припоминается намъ, какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ чудныхъ, величественныхъ Черниговскихъ торжествъ открытія мощей Св. Ѳеодосія, Преосвященному Антонію прислано было открытое письмо, язвительное по тону и содержанію, въ которомъ авторъ (судя по стилю—интеллигентъ) скорбитъ „за новое якобы помраченіе народа суевѣріемъ".

Вообще, какъ видится, „утомившись долголѣтнею *пассивною* борьбой съ православіемъ русскаго народа, болѣе фанатичные и нетерпѣливые соціалъ-сектанты, чтобы скорѣе и вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей, повидимому рѣшили перейти къ *активной борьбѣ* „съ народными суевѣріями"—мѣрами наиболѣе обязательнаго воздѣйствія на душу и совѣсть народной массы. Такимъ средствомъ и былъ избранъ Курскій взрывъ въ-

ковой, чтимой народомъ, святыни. На Курской же чудотворной иконѣ безумцы могли остановить свое особое вниманіе потому, надо думать, что имъ „не давало спать" всероссійское прославленіе народомъ иконы Знаменія Пресвятой Богородицы, эти ежегодныя торжества перенесенія иконы, куда стекаются со всей Россіи тысячи богомольцевъ,—эти ежедневныя хожденія св. иконы по домамъ. И вотъ, безумцы задумали однимъ ударомъ поразить вѣрующее сердце народа и доказать подстроеннымъ ими разрушеніемъ чудотворной иконы, которой столько вѣковъ поклонялась вся православная Русь, что „кумиры православія"—ничто.

Итакъ, вотъ къ какому выводу приводятъ сопоставленіе и анализъ всего доселѣ извѣстнаго и предполагаемаго, относительно мотивовъ и виновниковъ Курскаго взрыва. (Моск. Вѣд.).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ (августъ). Отдѣлъ I. Святаго отца нашего Кирилла Архіепископа Александрійскаго толкованіе на пророка Захарію—Отдѣлъ II. Пресуществленіе Святыхъ Даровъ въ таинствѣ Евхаристіи **В. Я. Малахова.** —Оживленная дѣятельность православныхъ братствъ въ эпоху митрополита Петра Могилы. (1632—1647 годы). **А. А. Папкова.**—Отдѣлъ III. Изъ церковной жизни православныхъ славянъ. **Г. А. Воскресенскаго.**—Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ. (Письма миссіонера), Пекинъ. — Отдѣлъ IV. Изъ области библіологіи. **В. Н Мышцына.**—Книги и брошюры, поступившія въ редакцію.—Отдѣлъ V. Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго—Протоколы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи за 1897 г.—Объявленія.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ (сентябрь) I. Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—II. Къ открытію въ Москвѣ памятника Царю-Освободителю. Помощника Предсѣдателя Училищнаго Совѣта. **Протоіерея М. I. Хитрова.**—III. Небесный Попечитель церковной школы. Редактора „Троицкихъ Листковъ" **Архимандрита Нікона.** —IV. Къ 500 лѣтнему юбилею Саввино-Сторожевскаго монастыря, 8 сентября. **Его-же.** (Съ приложеніемъ изображенія Препод. Саввы). —V. Бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна **Святѣйшаго Патріарха Вселенскаго АНѲИМА VII.** Перевелъ съ греческаго **Прот. А. К. Смирнопуло.**—VI. Превосходство человѣка предъ безсловесными животными. **Преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго.** —VII. Спасительная сила Креста Христова, предызображенная мѣднымъ зміемъ въ пустынѣ. **Его-же.**—VIII. Похвала Кресту Христову. **Его-же.** (Къ 14 сентября). —IX. Церковное пѣснопѣніе въ похвалу Святителю Димитрію Ростовскому. **Его-же.** (Къ 21 сентября).—X. Назидательное значеніе церковнаго благолѣпія. **Его-же.**—XI. Значеніе богадѣльни и храма при ней. **Его-же.**—XII. „Ѳаворскій Свѣтъ". **Протоіерея Н. В. Благоразумова.** —XIII. Взглядъ на смыслъ и достоинство господствующаго направленія въ новой культурной исторіи человѣчества. **N. N.** — XIV. Истинно-христіанское супруже.

ство. **Протоіерея П. В Рубина.**—XV. По святымъ обителямъ и Богоспасаемымъ градамъ. **А. В. Кодратова.**—XVI. Катихизическія бесѣды XIII и XIV. **Свящ. С. М. Садковскаго.**—XVII. О воспитаніи благородной дѣвицы, и обращеніи ея въ мірѣ. **Князя Алексѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова.** Сообщилъ прот. **В. I. Жмакинъ.**—XVIII. Русское православное духовенство въ нашей свѣтской литературѣ 96 и 98 г.г. **Н. А. Колосова.**—XIX. Письма оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Сообщилъ начальникъ Оптинскаго скита Іеромонахъ **О. Іосифъ.** — XX. „Юношескія влеченія". **Письмо Преосвящ. Өеофана-Затворника къ С. В.**—XXI. Его-же Письма къ М. Д —XXII. Къ вопросу объ единеніи Англиканской епископальной церкви съ православною. **С. Н. Чистякова.** —XXIII. Высокопреосвященный Сергій, Митр. Московскій. Проф. М. Д. Акад. **И. Н. Корсунскаго.**—XXIV. Саввинъ Сторожевскій монастырь. **Его-же.** (Съ приложеніемъ трехъ рисунковъ).—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Къ непосѣщающимъ храма . . 2 к.
О цѣломудріи и плотскихъ грѣхахъ . . . . 2 „
Какъ должно говѣть . . . . 5 „
Двѣнадцать Евангелій, читаемыхъ въ великую пятницу . 10 „

(по 1 коп. за экземпляръ, а за 100 экземпляровъ 70 коп.):

Хозяева и прислуга . . . .
О приступающихъ къ Св. Тайнамъ.
О супружескомъ цѣломудріи . . .
О крестьянскихъ посидѣлкахъ. .
Обычай молиться предъ вкушеніемъ пищи . . . .
Помни Бога . . . .
О матеряхъ, бросающихъ своихъ дѣтей . . . .
Объ утайкѣ найденнаго . . . .
Злоупотребленіе даромъ слова . .
Къ неблагочинно провождающимъ Троицынъ день . . . .
О понужденіи себя къ молитвѣ .
О несогласіяхъ супружескихъ . .
О соблазнительныхъ картинкахъ, книжкахъ, зрѣлищахъ и проч. .
Сила молитвы . . . .
Сила крестнаго знаменія . . .

Съ изображеніями:

Нерукотворенный образъ . .
Взысканіе погибшихъ . . .
Всѣхъ скорбящихъ радость .
Иверская чуд. икона Богом.
Казанская икона Пресвятыя Богородицы . . . .

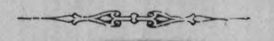
Не все равно къ какой не принадлежать вѣрѣ . . . . . .
Бойтесь смѣяться надъ чѣмъ-либо священнымъ . . . . . .
Нѣсколько словъ О. Іоанна Кронштадскаго въ обличеніе лжеученія графа Льва Толстого . .
О честности и воровствѣ . . .
О соблазнителяхъ . . . . . .
Ропотъ на многочадіе . . . . .
Отвѣтъ О. Іоанна Кронштадтскаго на упорство раскольниковъ . .
Грозное слово О. Іоанна Кронштад. къ уходящимъ изъ православія . . . .

Печатаются:

Св. Григорій Богословъ . . . . .
Препод. Параскева . . . . . .
Св. Іоаннъ Креститель Христовъ . .
Св. Ап. Павелъ . . . .
Св. Димитрій Ростовскій . . . . .
Св. Василій Великій . . . . .
Препод. Ксенофонтъ и Марія и ихъ сыновья Іоаннъ и Аркадій . . .
О высотѣ священническаго служенія
Должно ли вѣрить всякимъ снамъ .

Имѣются въ магазинѣ Отдѣла посторонція новыя изданія.

Епископа Виссаріона: Женихи и невѣсты . . . . 4 к.
Доброе имя 2
Утѣшеніе людямъ, живущимъ въ бѣдности . . . . . . 2 „
Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ
Дружба . . . .
О путешествіяхъ ко Св. мѣстамъ. . . . .
Отчимы и мачихи, пасынки и падчерицы . . . . . . 4 „
Лица безбрачныя . . . . . 4 „
О христіанскихъ именахъ . . . . .
Изъясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи . . . .
Прот. Виноградова: Тщетное самооправданіе старообрядцевъ поповцевъ . . . . . 35 „
Нѣсколько словъ объ учрежденіи старообрядческой іерархіи . . . . 5 „
Новыя мысли старообрядца о власти епископа . . . . . 5 „
Священника О. Дьяченко: Наканунѣ исповѣди . . . . . 20 „
Наканунѣ Св. Причащенія . . 20 „
Вопросы на исповѣди . . . . 30 „
Катихизическія поученія . 2 р. 50 „
Слова и рѣчи на разныя случаи . . . . . . 2 р. 50 „
Бесѣды о Богослуженіи . . 3 „ — „
Духовные посѣвы . . . . . 75 „
Прот. Петропавловскаго. Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія . . . . . . 3 р. — „
Общедоступныя статьи въ защиту Христіанской вѣры противъ невѣрія. Выпускъ І-й 1 р. и выпускъ II 3 р. — „
Кроткова: Святитель Ѳеофанъ Затворникъ . . . . — „
Свящ. Ромашкова: Различные типы школъ и образованія 50 „
Священника О. Воронцова: Руководство къ чтенію и изученію Библіи . . . . 2 р. 75 „
Свящ. О. Гиляревскаго: Возможна ли любовь ко врагамъ . 5 „
Сперанскаго: Сказаніе о чтимыхъ чуд. иконахъ Бож. Матери съ изображ. . . . 25 „
Практич. совѣты воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ церковно-приход. школахъ . . . . 20 „

Прiемъ слушателей и учениковъ.

3) Журналъ **Вѣстникъ Русскаго Общества Пчеловодства** выходитъ ежемѣсячно; цѣна за годовой экземпляръ съ доставкою и пересылкою два рубля; для г.г. членовъ Общества одинъ рубль.

Всякаго рода свѣдѣнiя и совѣты даются складомъ или пасѣкою безплатно по присылкѣ только одной 7 коп. марки.

Письма и требованiя адресовать въ складъ или на пасѣку по указаннымъ адресамъ.

Прейсъ-куранты безплатно, съ илюстрированнымъ же каталогомъ высылаются за двѣ 7 коп. марки.

Редакторъ ***И. Пятницкiй.***

Печат. дозвол. 1898 г. 29 сентября. Цензоръ, *Каеедральный Протоiерей I. Мигай.*

Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографiя Ш. Фридланда.